

С. А. Песина (Магнитогорск, Россия)
Ю. Л. Вторушина (Магнитогорск, Россия)

АНТРОПОМОРФИЗМ В ОБИХОДНОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Аннотация. Как тип мировоззрения антропоморфизм является одной из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. В рамках статьи на конкретных примерах продемонстрировано, что антропоморфизм представляет собой языковую универсалию, в которой параметры собственного тела, состояние духа и эмоции соотносятся с окружающими объектами и явлениями. В той же степени и человек переносит на себя свойства тех объектов, которые его окружают. Поскольку исторически первой культурной формой, в которой проявилась способность человека к антропоморфизации, был миф, как универсальный контекст интерпретации культуры, то антропоморфизм также нередко несправедливо относят к примитивным формам организации сознания. Его можно трактовать как реальную форму освоения человеком окружающего его мира, что делает ближе и роднее то, что было для него далеким и чуждым. Основываясь на наших исследованиях метафорических переосмыслений антропоморфного характера, верифицирована гипотеза о том, что человеческое тело в значительной степени отражает и определяет жизненно важные аспекты нашего культурно, территориально и национально обусловленного опыта. В статье на материале русского и английского языков продемонстрировано, что строение и функционирование человеческого организма предопределяет жизненно важные аспекты нашего мышления, вербализации и в целом существования. Показано, что описание функционирования человеческого тела спроецировано на окружающие нас абстрактные и конкретные объекты и явления окружающей среды. Сделан вывод о том, что языковые и концептуальные процессы нельзя рассматривать и изучать изолированно от человеческого воплощения.

Ключевые слова: антропоморфизм, метафора, семантика, образность, наивная и научная картины мира.

Введение

Термин «антропоцентризм», восходящий еще к понятиям Древней Греции, является зонтичным по отношению к понятию «антропоморфизм», связанному непосредственно с функционированием языковых единиц, номинирующих тело человека и его эмоционально-психическую сферу. Одним из аспектов изучения антропоморфизма в лингвистике является антропоморфная семантика, в которой проблема моделирования образа человека в языке выдвинута на первый план. В свою очередь, антропоморфная семантика пересекается еще с одним ключевым понятием когнитивной лингвистики – понятием телесности или «воплощенности» (embodiment) [5, с. 68]. Другими словами, термины «антропоцентризм», «антропоморфизм» и «антропоморфная семантика» связаны с понятием «воплощенность» в языке.

В философии языка антропоморфизм представляется как приращенная форма сознания и попытка ответить на вопрос о том, каково быть человеком. Последнее позволяет учитывать момент «искажения предмета в антропоморфизме» (Т. Нагель) и признать некоторый непознанный остаток, который, тем не менее, является неотъемлемой составляющей самого познаваемого предмета и знания о нем.

Если античный человек воспринимал бытие как космический дом, а человек Средневековья принадлежал к определенной иерархической ступени сотворения бытия, то пространством обитания человека нового времени становятся среда, в которой ему задается, с одной стороны, техническая мера, с другой – культура как способ бытия человека.

На рубеже XVIII в. важнейшие открытия в естествознании осветили проблему иерархического местоположения человека в окружающем биологическом пространстве. Так, К. Линней, введя понятия «*Homo sapiens*» и «примат», настоял на исключении ряда животных из числа человеческого рода: ленивца как «дикого индейца», моржа как «морского человека», дельфина и др. Луи Пастер – французский химик и микробиолог в XIX веке раз и навсегда доказал, что живое не рождается из неживого, как думали ранее.

В современном мире антропоморфизм можно обнаружить повсеместно: *голова поезда, головка сыра, колено трубы, бутылочное горлышко, пальчиковая батарейка, нос корабля, дверной глазок* и т. п. Он стал привычен в нашей современной повседневной речи и даже изобилует в ней, при этом

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022>.

олицетворения являются обычной языковой нормой, тем, что мы называем стертой или мертвой метафорой. Подобные тривиальные антропоморфные переносы часто не осмысливаются как метафоры.

Механизмами очеловечивания в языке объектов окружающей действительности являются персонификация, социоморфизм, анимизм, аниматизм, предполагающие перенесение различных человеческих характеристик на окружающие человека объекты, в том числе, природные. Так, животные и насекомые в равной степени с окружающими объектами, артефактам и абстрактными сущностями наделяются физическими, ментальными, эмоциональными качествами человека. Им приписываются человеческие идентифицирующие и динамические свойства и моральные ценности. В рамках данной статьи предполагается остановиться более подробно на некоторых затронутых выше аспектах антропоморфизма.

1. Репрезентация антропоморфизма в обиходной и научной лингвистическо-концептуальных картинах мира

В важнейшие периоды своего развития человек всегда ассоциировал себя со своими наивысшими достижениями в ключевых областях. Так, в начале прошедшего столетия, когда появилась телефонная связь, именно она удостоилась чести олицетворять сознание человека. Сложнейшая нейронная сеть уподоблялась телефонному коммутатору с множеством взаимосвязанных проводов. Гораздо раньше, в Древней Греции мозг человека сравнивали с катапультной как наивысшим достижением военной мысли.

В новое время математический разум стал наивысшим связующим звеном и одновременно олицетворением связи индивида с окружающим его миром. Так, Р. Декарт считал, что так как именно математика в компактной форме содержит основные законы языка и природы, то, базируясь лишь на математических законах, можно понять окружающий мир. В настоящее время астрофизики бьются над формулой всего, поскольку знаменитая формула Эйнштейна $E=MC^2$ не достаточна для объяснения законов вселенной.

Так, Б. Паскаль называл индивида «мыслящим тростником» в безграничном пространстве, при этом бесконечность космического пространства сопоставлялась с человеческим разумом, навевая мысль об эфемерности человеческого существования. Позднее И. Кант, которого также занимали тайны звездного неба и нравственные законы личности, писал, что индивид принадлежит одновременно двум «мирам»: необходимости, обусловленной действием законов природы, и миру нравственной свободы как неперемнной составляющей антропологической эпохи перемен, самоотречения и самопознания [9].

Как уже упоминалось выше, антропоморфизм служит родовым понятием применительно к таким терминам, как аниматизм, олицетворение, гилозоизм, анимизм, с социоморфизм. Определим основные антропоморфные свойства переосмысленной лексики:

- антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком и особенно ярко проявляется в детстве, затрагивая системные свойства мышления как инструмент «приручения» природных объектов и явлений;

- антропоморфичность является мыслительной и языковой универсалией и свойственна человеку независимо от его языковой, расовой, политико-экономической или какой-либо другой принадлежности;

- она является ведущим вектором профилирования знаний, углом зрения, под которым индивид смотрит на окружающий мир, «просеивая» знания сквозь сито своего эго;

- она вполне оправдана логически и имеет глубинные архетипические родовые черты, отражая ход истории и культуры, политико-экономические воздействия, результат социальных явлений своего общества.

Справедливости ради отметим, что наряду с позитивными факторами в долгосрочной перспективе антропоморфность может являться «стоппером» научного прогресса, упрощая мир и предлагая ненаучное, наивно-обиходное объяснение происходящих в нем явлений. Поэтому в науке антропоморфизм зачастую предстает как «приращенная форма сознания», как источник искажения процессов и объектов действительности.

В этой связи развитие человеческого сознания представляет собой смену его образов: человек разумный, производящий (человек-машина), человек научно-обусловленный, символически-обусловленный, культурный, играющий и, наконец, человек-компьютер (долговременная память ассоциируется с жестким диском, а кратковременная, соответственно, с флеш-картой).

Итоговая компьютерная теория разума является совокупностью различных взглядов на созна-

ние, объединенных понятием о том, что мозг является системой обработки информации. Так, машинный функционализм Х. Патнэм представляет собой идею о том, что психические состояния являются функциональными. В соответствии с этим подходом, система имеет разум, если она имеет подходящую функциональную организацию. Психические состояния – это состояния, которые играют соответствующую роль в функциональной организации системы. Каждое психическое состояние индивидуализируется посредством взаимодействия с сенсорным вводом информации, ее выводом через моторные функции и другими психическими состояниями (Н. Putnam [11] и работы других лет). Существует также репрезентативная теория разума Д. Фодора (J. A. Fodor [7] и публикации других лет), которая предполагает, что разум является системой психических репрезентаций, включающая простые и сложные репрезентации языка мышления «мантализа». Однако существующие на сегодняшний день идеи по уподоблению человеческого разума обладают целым рядом противоречий, поэтому дискуссии на тему их истинности все еще ведутся.

Однако вернемся к тому факту, что в своем познании окружающей действительности человек пользуется как научной, так и наивной картинами мира, а в обыденной жизни он вполне довольствуется наивными представлениями об окружающем его мире. При этом его обыденная картина мира не должна превышать когнитивные возможности человека. Она должна быть обозримой, но не бесконечной. Именно горизонты индивидуальной картины мира определяют специфику мировидения человека. В этой связи можно сказать, что человек живет как бы на своем максимуме. У цельной натуры или у того, кого мы привыкли называть думающим человеком картина мира обладает функциональной целостностью.

При этом человек опять-таки не свободен от множества логических и иных ошибок, «питательной средой» которых являются суеверия и предрассудки, ложные теории, предвзятые мнения, эмоциональная нестабильность. Индивид может понимать, что обыденная логика, нашедшая отражение в его просторечной или диалектной речи, может быть принципиально неверной. Но дело все в том, что в процессе своих номинаций индивид исходит из других задач и предпосылок. Последние не укладываются в формальную или классическую логику.

В связи с этим, как в научной, так и наивной картине мира мы выделяем **фокус** картины мира, как некую доминанту, обусловленную национально-культурными традициями и социально-политической структурой общества, основанную на стереотипных взглядах на основополагающие понятия. Фокуса языковой картины мира зачастую бывает достаточно для успешной коммуникации, поскольку коммуникативный цейтнот не позволяет помыслить концепты в их полных объемах [1]. Но стоит индивиду охватить «дальнейшие значения» (по А. А. Потебне), и одного фокуса картины мира ему сразу становится недостаточно, тогда он начинает «разворачивать» концепты в их полном объеме. Так, фокус обыденной картинами мира составляют не только слова в прямых значениях, но и в переосмысленных, так как наиболее частотные слова повседневного языка – это полисеманты. Одним из ведущих антропоморфных средств являются метафорические переносы как составляющие многозначных структур.

2. Метафора как ведущая антропоморфная смыслообразующая единица

Метафора занимает важнейшее место в лингвокультурной парадигме носителей любого языка и является важнейшим способом организации социально-культурного опыта человека. Как ведущее свойство человеческого мышления, метафора способна умело концентрировать и обобщать человеческий опыт в языке. Базируясь на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира, метафора служит едва ли не единственным способом уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

Используя метафору, человеку легче осмыслять явления и ориентироваться в жизни. Метафора способствует лучшему запоминанию информации. Действительно, стоит назвать грибы «природными пылесосами», и мы запомним, что именно грибы хорошо всасывают токсины из почвы.

В лингвистике антропоморфные метафоры исследуются довольно давно. В настоящее время дискусируемым вопросом считается проблема образности метафор, а именно, за каждой ли метафорой стоит образ или система образов. Если коротко обозначить полярность взглядов, то они сводятся к следующему: ряд исследователей считает, что за тривиальными частотными метафорами образности совсем нет, но мы полагаем, что признание метафоры полностью безобразной или «мертвой» привело бы к распаду полисемии. Поэтому в данной дискуссии, несмотря на непререкаемый авторитет в области метафористики, какой, без сомнения, имеется у Д. Дэвидсона [5], мы занимаем другую позицию, с которой можно познакомиться более подробно [12].

Говоря о переносных метафорических значениях, особенно если это дериваты в предметной сфере, следует отметить, что образность может не исчезнуть никогда, она может только приглушаться. Именно наличие образности чувствуют большинство составителей словарей, помещая переносные метафорические значения в одну словарную статью с первым значением.

Антропоморфные метафоры, как правило, не сложны для понимания. Выше мы приводили примеры антропоморфных метафор, функционирующих в русском языке. Следует признать, что в английском языке подобных метафор гораздо больше, поскольку англоязычная лингвокультура традиционно считается более «образной». Это означает, что номинация объектов в языке происходит не напрямую, как в русском, а по принципу «как если бы». Приведем примеры англоязычных антропоморфных метафор, в которых окружающие объекты и действия уподобляются тому, как устроено и функционирует человеческое тело: *a head of a train/ mountain/ beer/ river/ stick, a mouth of a furnace/ river/ volcano, a nose of a berry/ ship, a foot of a mountain, a knee of a pipe, a neck of a bottle* и т. п. Много метафор связано с артефактами, окружающими человека, с близкими ему природными объектами, с его одеждой: *veil of fog, coat of a pipe, sleeve of a pipe, cloak of prejudice/ religion/ hypocrisy* и др. В данных примерах имеет место не совсем прямое воплощение, переосмыслению подвергается не тело человека, а, например, его одежда.

Мы используем базовые интуитивные метафоры так часто, что даже не замечаем, что они являются образными значениями, подразумевающими чрезмерное обдумывание. Их декодирование включает в себя «кристаллизованный» тип интеллекта, который включает в себя рассуждения (обычно вербальные), основанные на предшествующих знаниях; и способность делать выводы о вторичных реляционных абстракциях, применяя ранее понятые первичные абстракции.

В отличие от «кристаллизованного» типа интеллекта гибкий интеллект (также подвижный) включает в себя рассуждения (часто невербальные) о новых проблемах. Гибкий интеллект способен производить знания, отличные от существующих, решать новые задачи. Это связано с приобретенными критическими навыками, такими как понимание, интерпретация и обучение.

Интересно отметить, что мы предпочитаем пользоваться обиходной, или наивной, картиной мира даже в тех случаях, когда мы знакомы с научными понятиями. Так, для ученых тыква, фасоль и огурцы – это фрукты, а апельсин и лимон – ягоды. Для нашего обыденного сознания это, соответственно, овощи и фрукты. Мы говорим о том, что солнце *встает*, а ток *течет* по проводам и т. п. Последнее – это также результат проявления антропоморфизма, выражающегося в том, что человеку удобно, когда все вокруг функционирует по образу и подобию того, как выглядит и работает его тело.

Все эти факты имеют место не потому, что мы невежественны, а потому, что в процессе когнитивной категоризации мы подсознательно уделяем внимание особенностям и сходствам, которые бросаются нам в глаза в первую очередь и отвечают нашим интересам.

Антропоморфизм служит зонтичным термином для феноменов анимизма (олицетворение), аниматизма (олицетворение с наделением неодушевленных предметов или животных эмоциями и способностями человека). Приведем примеры таких метафор: *a devouring prairie; Notre'Dame squats in the dusk; Mother Nature blushes before disrobing, etc.*

Как показывают наши исследования [2; 3], вектор антропоморфности двунаправлен: он может иметь центробежно-номинативный характер, ориентированный на номинацию окружающих предметов, явлений, живых существ по образу и подобию строения и функционирования тела человека и центростремительно-номинативный характер, ориентированный на обратный процесс (номинацию личностных свойств характера человека, его внешнего вида и прочего на основе внешнего вида и качественных характеристик окружающих человека объектов и явлений).

В заключение следует отметить, что наивные понятия постоянно входят в конфликт с научными, и далеко не все наивные понятия со временем «дотягиваются» до научных, поскольку человек не стремится к этому. Некоторые из них, сильно отставая от научных, довольно живучи (*солнце всходит, ток течет по проводам, дом стоит, ложка лежит* и т. д.). У многих из таких понятий имеются только метафорические варианты, что говорит о фундаментальности явления метафоричности.

Заключение

Итак, все люди без исключения пользуются обиходными упрощенными понятиями, владея их научными эквивалентами. Вместе с тем, само понятие «наивное» не является обвинением в недостатке ума для осмысления объектов и явлений мира. Это нежелание или невозможность пользоваться научными понятиями. В языке не может существовать только один уровень понимания вещей.

Во все времена человеку было свойственно наделять преломленный в сознании мир теми же физиологическими и духовными свойствами, какие свойственны самому человеку. Причина этого

кроется в необходимости создания собственного комфортного психологического и материального пространства и объяснения законов и механизмов функционирования часто враждебной среды. Человек, в полном соответствии с антропным мировоззрением, стремится максимально приспособить к себе среду своего обитания, используя врожденные механизмы метафорической категоризации действительности.

Среди прочих антропоморфных средств описания окружающей действительности метафора оказывает эксплицитное и имплицитное когнитивное воздействие на все сферы жизни человека, поскольку языковые реализации метафор используются во всех формах коммуникации [4; 8; 10;].

ЛИТЕРАТУРА

1. Песина С. А., Кива-Хамзина Ю. Л., Рубанова Н. А. Формирование представления о вторичной языковой и концептуальной картинах мира у студентов-бакалавров, изучающих иностранный язык // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 180-189. doi: 10.32744/pse.2019.1.13.
2. Песина С. А., Зимарева О. Л. Кластерная семантика и антропоцентрическая парадигма // Когнитивные исследования языка. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. Нижний Новгород: Изд-во ДЕКОМ. 2019. Вып. XXXVII. С. 95–100.
3. Песина С. А., Юсупова Л. Г., Пулеха И. Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 115. Филологические науки. 2019. № 1 (423), С. 106–123.
4. Тандон П., Песина С. А., Пулеха И. Р. Особенности осмысления тематического дискурса английского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 79–84
5. Davidson D. What metaphors mean // The Philosophy of Language. NY. Oxford. Oxford University Press. 1990. P. 430–441.
6. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. Pp. xxvi + 811.
7. Fodor J. A. A Theory of Content and Other Essays, Cambridge, MA: MIT Press, 1990, pp. 137–59.
8. Husserl E. Cartesian Meditations. Cairns, D.: Kluwer. 1960. 600 с.
9. Kant I. Notes and Fragments, Cambridge University Press, 2005. 690 pp.
10. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books. 1999. 624 p.
11. Minds and machines. Minds and machines, edited by Alan Ross Anderson, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1964, pp. 72–97.
12. Solonchak T., Pesina S. Cognitive Properties of Images and Metaphors // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. vol. 192. 24. P. 650–655.

S. A. Pesina (Magnitogorsk Russia)

Yu. L. Vtorushina (Magnitogorsk Russia)

ANTHROPOMORPHISM IN THE EVERYDAY PICTURE OF THE WORLD

Abstract. As a type of worldview, anthropomorphism is one of the most fundamental properties of human thinking in the field of categorization and conceptualization of the surrounding reality. The article demonstrates that anthropomorphism is a linguistic universal. In accordance with its principles, the parameters of one's body, state of mind and emotions are correlated with the surrounding objects and phenomena. To the same extent, a person takes on the properties of those objects that surround him. Since historically the first cultural form in which a person's ability to anthropomorphize was manifested was a myth, as a universal context for the interpretation of culture, anthropomorphism is often unfairly attributed to primitive forms of the organization of consciousness. It can be interpreted as a real form of human exploration of the world around him, which makes closer and dearer what was distant and alien to him. Based on our research on anthropomorphic metaphorical way of thinking, the hypothesis that the human body largely reflects and determines the vital aspects of our culturally, territorially and nationally conditioned experience has been verified. Based on the material of Russian and English languages, the article demonstrates that the structure and functioning of the human body predetermines the vital aspects of our thinking, verbalization and existence in general. It is shown that the description of the functioning of the human body is projected onto the abstract and concrete objects and phenomena of the environment surrounding us. It is concluded that linguistic and conceptual processes cannot be considered and studied in isolation from the human embodiment.

Keywords: anthropomorphism, metaphor, semantics, figurativeness, naive and scientific pictures of the world.

REFERENCES

1. Pesina S. A., Kiva-Khamzina Yu. L., Rubanova N. A. Formirovanie predstavleniya o vtorichnoi yazyko-voi i kontseptual'noi kartinakh mira u studentov-bakalavrov, izuchayushchikh inostrannyi yazyk // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2019. № 1 (37). S. 180-189. doi: 10.32744/pse.2019.1.13.
2. Pesina S. A., Zimareva O. L. Klasternaya semantika i antropotsentricheskaya paradigma, Kognitivnye issledovaniya yazyka. Intergrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike, Nizhnii Novgorod, Izd-vo DEKOM, 2019, vol. XXXVII, pp. 95–100.
3. Pesina S. A., Yusupova L. G., Pulekha I. R. Antropomorfizm v yazyke skvoz' prizmu voploshcheniya, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 115. Filologicheskie nauki, 2019, no. 1 (423), pp. 106–123.
4. Tandon P., Pesina S. A., Pulekha I. R. Peculiarities of Understanding of Thematic Discourse of the English Language, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 79–84
5. Devidson D. What metaphors mean, *The Philosophy of Language*. NY, Oxford, Oxford University Press, 1990, pp. 430–441.
6. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006, pp. xxvi + 811.
7. Fodor J. A. *A Theory of Content and Other Essays*, Cambridge, MA, MIT Press, 1990, pp. 137–59.
8. Husserl E. *Cartesian Meditations*. Cairns, D.: Kluwer. 1960, 600 p.
9. Kant I. *Notes and Fragments*, Cambridge University Press, 2005, 690 pp.
10. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*, New York, Basic Books, 1999, 624 p.
11. *Minds and machines*. *Minds and machines*, edited by Alan Ross Anderson, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1964, pp. 72–97.
12. Solonchak T., Pesina S. *Cognitive Properties of Images and Metaphors*, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 192, no. 24, pp. 650–655.

Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Антропоморфизм в обиходной картине мира // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2022. Т. 6. № 4. С. 46-51.

Pesina S. A., Vtorushina Yu. L. Anthropomorphism in the Everyday Picture of the World, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 4, pp. 46-51.

Дата поступления статьи – 29.10.2022; 0,37 печ. л.

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; spesina@bk.ru

Вторушина Юлиана Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; julievtorushina@mail.ru

Authors:

Svetlana A. Pesina, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, at the Linguistics and Translation Department, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; spesina@bk.ru.

Yuliana L. Vtorushina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; julievtorushina@mail.ru.